

СЕГОДНЯ в Чудковском КУПЕ...

СОЛИСТ Большого театра

ИЗ ЖИЗНИ, КАК И ИЗ ПЕСНИ, слова не выкинешь... Народный артист РСФСР Михаил Григорьевич Киселев, кому рукоплескали зрители Москвы и Ленинграда, Милана и Вены, Монреаля и Токио, Парижа и Рима, начал свой путь кочегаром на стареньком паровозе типа Э, затем слесарил на Мичуринском паровозоремонтном заводе. На железной дороге он получил настоящую рабочую заналку, которая так пригодилась ему.

Недавно М. Г. Киселев начал свой двадцать первый сезон на сцене Государственного Академического Большого театра Союза ССР. Сегодня он — гость нашего купе.

— Ваша биография, Михаил Григорьевич, необычная. Расскажите, пожалуйста, о своей жизни.

— Родился я в Мичуринске (тогда город назывался Козлов). Семья наша была большая, отец умер рано. Я у матери — старший. Мать была набожной, говорила: «Грамота — от дьявола». И вот вырос я, не узнав ни одной буквы! Стал чураться товарищей, скрывать, что не могу прочесть простой вывески. Когда поступил чернорабочим на паровозоремонтный завод, понял, что путь заказан мне даже в ученики слесаря. А попросить помочь стеснялся, да и убежден был, что уже поздно! Но комсомольцы решили по-другому. Слесарь Жора Новиков научил писать, считать, а затем привел меня на рабфак. Вот так и случилось, что я поверил в себя. Эта уверенность осталась на всю жизнь.

— ...и помогла вам в артистической карьере? Кстати, как она началась?

— Ответить на этот вопрос не так просто. Довольно долго я считал, что пенне, любовь к музыке — не более чем развлечение. Не мог представить, что к этому нужно относиться, как к работе. Но петь я любил с детства. Страсть передалась от матери. Она знала много песен и пела хорошо. На первые скопленные деньги купил я балалайку, а потом гитару. По вечерам наигрывал и пел у дома на лавочке для собственного удовольствия «Тройку», «Ямщика», «Вдоль по Питерской». И знать не знал, что это может быть не только развлечением, но и трудом, без которого нет настоящего искусства.

Он замолчал и после паузы добавил:

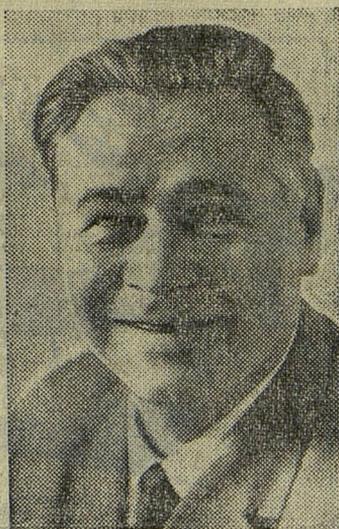
— «Каторжным» трудом. Очевидно, потому, что мне в детстве и в юности приходилось заниматься тяжелой работой (был и чернорабочим, и молотобойцем, и кочегаром), я сейчас могу оценить тяжесть труда оперного певца...

— Во многом ли труд певца отличается от труда музыканта?

— Несчастье певца в том, что мы не можем сами себя

объективно слышать, как, например, инструменты. Фальшь, неточность, слабость звука инструмента улавливаются хорошим музыкантом сразу, певцу же уловить ошибку гораздо сложнее. А раз знаешь, что избежать ошибок труднее, чем другим, остается один выход — работать, работать, работать. Я понял это, когда после окончания Свердловской консерватории стал готовить свой основной репертуар в Новосибирском оперном театре. Это были партии Риголетто, Игоря, Мазены, Демона, Томского... Первая послевоенная зима. Уходил в театр утром и ретировал по 10—12 часов. А потом это стало правилом — так работаю до сих пор в театре и дома.

Но вернемся к прошлому. Окончив рабфак, я поступил в Новосибирский инженерно-строительный институт. Годы были тогда неурожайные, и я должен был думать не только о себе, но и о матери, о сестрах. Недоедал, отправляя им

посылки, одевался не по сибирским морозам. И вскоре врачи вынесли мне приговор — туберкулез легких. Но я решил не сдаваться! Взял академический отпуск, поселился на берегу Оби. Установил жесткий режим. Делал гимнастику. Окна не закрывал в любое время года. Через год болезнь отступила.

Как-то услышал тогда от одного старика, что пенне укрепляет легкие. Записался в самодеятельность. Там встретил своего первого учителя, замечательного человека, отличного педагога Леонида Петровича Брайденбаха. Мы понравились друг другу, стали заниматься. Любовь к пенне возросла. В мае 1936 года меня попросили выступить на краевой олимпиаде художественной самодеятельности. Спел. Присудили первое место.

А затем вернулся однажды из командировки и получил записку из горисполкома: «Тов. Киселева направляют на конкурс в Москву, в ГАБТ». Засомневался, но Леонид Петрович успокоил: «Поезжай, все

будет в порядке! Да и вообще ничего ведь не теряешь»...

Приехал в Москву. Спел в филиале Большого театра перед комиссией. Председателем ее был художественный руководитель Большого, известный дирижер С. А. Самосуд. Меня рекомендовали в Московское училище при консерватории. Так передо мной встал дилемма — продолжать образование в строительном институте или избрать профессиональный путь оперного певца. Я выбрал второе. Но решил, что начать учиться пенню мне лучше не в Москве, а у себя на родине, в Мичуринске. Так и сделал. Поехал в Мичуринск и был принят сразу на второй курс музыкального училища.

— Как вы были приглашены в Большой театр?

— Просто и неожиданно. Получив музыкальное образование, я уехал работать в побившийся мне Новосибирск. Как-то с большой группой артистов приехал в Москву на декаду сибирского искусства. Приготовил для москвичей только одну вещь — арию Роберта из оперы Чайковского «Иоланта».

Вышел на сцену зала Чайковского и спел. Вызывают на бис. Но что еще спеть так, чтобы остаться на том же уровне? Ничего другого не рискнул, а повториться не захотел. Аплодисменты, я кланяюсь, но не пою. Конфуз! Прибежал руководитель делегации, говорит: «Пой!». А я только руками развожу. На другой день мне позвонили в гостиницу из Большого театра. Предложили прослушать. Начались гастроли. На этих гастролях (помню, как сейчас) 15 июня 1952 года после третьего акта «Риголетто» за кулисы зашел директор театра А. И. Анисимов, предложил оформляться на постоянную работу.

С тех пор пою в Большом театре. Но никогда не забываю о родном паровозоремонтном заводе, о моих друзьях-железнодорожниках. Постоянно держу с ними связь, с огромной радостью выступаю на шэфских концертах.

В 1970 году приехал в Мичуринск. Дал два шэфских концерта на заводе, который теперь называется локомотиворемонтным. Принимали так, как только могут земляки. И — совершенно неожиданно — вышла девушка, работница завода, и преподнесла мне модель паровозного ската на рельсах. Это один из самых дорогих подарков в моей жизни.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Буду петь арии нынешнего репертуара Большого — Игоря в «Князе Игоре», Риголетто в «Риголетто», Томского в «Пиковой даме», Шакловитого в «Хованшине». Последняя моя работа — партия Скарпина в «Тоске».

В общем, работы вдосталь. Беседу вел А. РЮМИН.

НАШ АДРЕС: 103009, Москва, К-9, улица Герцена, Хлыновский тупик, 8

ТЕЛЕФОНЫ: Для звонков 2-45-43. Секрет 291-67-38. Типограф

Гудон
г. Москва

29 ОКТ. 1972